

В. Н. ЗАХАРОВ

Что открыл Достоевский в «Бедных людях»?

В обширной научной литературе о первом романе Достоевского до сих пор не объяснен сенсационный успех «Бедных людей». Оригинальность Достоевского была очевидна для многих современников писателя, но осознание этого выразилось не столько в разъяснении сущности явления, сколько в его оценках: «новый Гоголь», «явление необыкновенное», «необыкновенно замечательное произведение», «явление нового необыкновенного таланта», «явление замечательное» и т.д. Эти оценки Белинского, Некрасова, И. Панаева, В. С. Шевырева и других не были аналогией начинающего писателя — в их суждениях была и изрядная доля критики. Уже тогда появилось немало «общих мест» в объяснении «Бедных людей». Так, все отмечали гуманистический пафос первого романа Достоевского, правда, с разными нюансами: от «высоко гуманного идеала» до «филантропической тенденции», иногда низведенной до иллюстрации некоторых постулатов добродетели.

Часто Достоевского пытались объяснить Гоголем, не видя большой разницы между гуманистической идеей гоголевской «Шинели» и «Бедных людей». Макара Девушкина оценивали теми же словами, как и Акакия Акакиевича Башмачкина: «ваш брат», «тоже человек». Общее, действительно, было, но им не объяснить степень оригинальности Достоевского в разработке традиционной к тому времени темы «маленького человека» в литературе. И тем более не объяснить знаменитые письма Макара Девушкина от 1 и 8 июля, его полемику по поводу «Станционного смотрителя» Пушкина «Шинели» Гоголя, где выбор был не в пользу Гоголя — и отнюдь (или, вернее, не только) из-за верно-подданической и охранительной позиции героя романа, а в неприятии Достоевским гоголевских принципов изображения человека. Лишь немногие видели в Достоевском ученика («подражателя») Гоголя. Гораздо более значительными были попытки В. Майкова и М. Бахтина

противопоставлением Гоголя и Достоевского оттенить оригинальность дебютанта, что, впрочем, также не объясняет триумф «Бедных людей».

О «Бедных людях» давно уже пишут так, что редкий читателя захочет перечитать первый роман Достоевского. На «Бедных людях» натерт такой «хрестоматийный глянец», что современный живой смысл романа просто теряется в общих словах об историко-литературном значении дебюта Достоевского, в «общих местах» о гуманизме автора в отношении к «маленькому человеку». Они верны, но не объясняют многого и, пожалуй, самого главного, что выразилось не в слове, а в поведении и эмоциях современников писателя: почему роман потряс многих читателей, в том числе таких искушенных, как Белинский, Некрасов, Григорович, Панаев, почему над романом рыдали Некрасов и Григорович и кое-кто из рецензентов, в чем они сознавались печатно. Это тем более примечательно, что сегодня «Бедные люди» мало кого так потрясают. Тут два возможных ответа: или роман утратил современный интерес (чему немало способствовал бы «хрестоматийный глянец»), или, напротив, современные читатели (а отчасти и писатели — почему писатели, об этом речь позже) утратили остроту эстетического переживания художественных открытий Достоевского в «Бедных людях». А они были: определяя «новое слово» Достоевского в «Бедных людях», наиболее проницательные критики говорили о «тайне художественности», об открытии «тайн жизни» и характеров, о явлении новой правды в искусстве. В чем же они?

Обратившись к жанру эпистолярного романа, Достоевский ставил себя в заведомо невыгодное положение. Ему было необходимо, во-первых, преодолеть предубеждение нового читателя, для которого эпистолярный роман был архаическим жанром, и, во-вторых, разочаровать любителей эпистолярных романов, преподнеся им вопреки читательским ожиданиям роман без любви, «бедных людей» вместо изысканных героев жанра.

Уже одно это создавало неожиданный художественный эффект. Но Достоевский не только преобразовал известный и архаичный жанр. Он открыл читателю новую сферу романной действительности. До Достоевского русские читатели уже знали «Физиологию Петербурга» и «Петербургские вершины», имели представление о жизни простого петербургского люда и мелких чиновников.

Открытие Достоевского М. Бахтин уподобил «коперниковскому перевороту», в котором точкой опоры этого переворота стало самосознание как художественная доминанта в построении образа героя*. Достоевский дал новую концепцию личности: он изобразил не только

* Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Советская Россия, 1979. С. 56.

характеры своих героев, показал не только их психологию, он раскрыл их самосознание. Но если ограничиться этим тезисом М. Бахтина, то нет существенной разницы между принципами изображения героев первого и последнего романов Достоевского, даже между Макаром Девушкиным и Варенькой Доброселовой. Между тем эти различия есть, и они кое-что объясняют в триумфе Достоевского.

Тургенев, по воспоминаниям А. Панаевой, попытался в эти дни сенсационного успеха Достоевского высмеять одну особенность утверждения «Бедных людей» в литературе — Макар Девушкин стал знаменит: «Тургенев стал сочинять юмористические стихи на Девушкина, героя “Бедных людей”, будто тот написал благодарственные стихи Достоевскому, что он оповестил всю Россию об его существовании, и в стихах повторялось часто “маточка”»*. Эта любопытная эпиграмма Тургенева до нас не дошла, но и то, что рассказала Панаева, достаточно красноречиво: Тургенев иронизировал над несоответствием славы и культурного уровня героя.

Это, действительно, один из парадоксов романа.

Можно быть умнее и образованнее Макара Девушкина, как, к примеру, Чацкий, Онегин, Ленский, Печорин, Андрей Болконский и Пьер Безухов. Можно быть безупречнее его, как, например, идеальная пушкинская Татьяна Ларина. Тем не менее в характере и в личности Макара Девушкина есть нечто, что делает его значительнее многих героев не только русской, но и мировой литературы.

Варенька Доброселова, например, тоньше, образованнее, культурнее Макара Девушкина. В литературном творчестве они могли бы составить друг другу конкуренцию: Макар Девушкин — в своих письмах, Варенька Доброселова — в своих воспоминаниях. Некоторым современникам Достоевского, поклонникам изящного искусства, литературный дар Вареньки Доброселовой казался предпочтительнее писаний Макара Девушкина. Достоевского упрекали в том, что тот может писать иначе, чем Макар Девушкин, — изящнее, литературнее, художественнее. В определенной мере характер Вареньки Доброселовой сильнее характера Макара Девушкина: она без особых затруднений ставит героя в подчиненное, служебное положение.

И все же в образе Макара Девушкина есть то, что отсутствует в образе Вареньки Доброселовой. В сюжете романа героиня задана и дана в определении духовной сущности, она неизменна и в записках, и в первых письмах, и последних. В отличие от статичной героини Макар Девушкин меняется. Маленький, тихий, скромный, забитый и униженный, он преображается — и преображается духовно. Это по-

* Панаева А. Я. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1972. С. 144–145.

степенный процесс, в котором ключевую роль играет литература. Не та, которую читает Макар Девушкин (а он в отличие от Вареньки Доброселовой способен увлечься и невзыскательными писаниями Ратазьева, повестями «Итальянские страсти», «Ермак и Зюлейка»). И даже не «Повести Белкина» Пушкина и не «Шинель» Гоголя, которые он получил от Вареньки Доброселовой. А та литература, которую Макар Девушкин создает сам. На глазах читателя недалекий переписчик превращается в писателя, причем в настоящего писателя, для которого сочинение «дружеских писем» становится в конце концов единственной формой духовного существования героя, который в слове сознает себя и мир, который неожиданно замечает, что у него «слог становится» (1; 88, 108), который в слове обретает творческое всеисие над сказанным и утаенным словом. Особенно выразительно эта идея проведена в последнем письме героя — письме без адреса и даты, которое он не мог не написать. Это последнее письмо Макара Девушкина завершает роман апофеозом человечности и творчества героя, становится своеобразным актом превращения Макара Девушкина в литератора. Тургенев не зря язвил над возможным превращением Макара Девушкина в стихотворца, вложив в его уста свою эпиграмму: в романе он уже состоялся как прозаик.

Мы часто слышали и слышим: человек — вселенная, духовный мир человека подобен космосу. Духовный мир Макара Девушкина может быть уподоблен стремительно расширяющейся вселенной. Он не ограничен ни в своем интеллектуальном развитии, ни в своей духовности, ни в своей человечности. Потенциал личности Макара Девушкина безграничен. И это преображение героя происходит вопреки его прошлому, его воспитанию, происхождению, одним словом, среде, вопреки социальной униженности и культурной обделенности героя. Макар Девушкин не только и не столько начинает чувствовать и мыслить, как лучшие из лучших, сколько понимает то, что дано и открывается только ему одному.

Поздние герои Достоевского затмили героя его первого романа. Между тем мало кто из героев Достоевского может сравниться с Макаром Девушкиным по интенсивности духовного развития. В какой-то мере эта модель развития представлена в подпольном парадоксалисте («Записки из подполья»), в Аркадии Долгоруком («Подросток»), в закладчике «Кроткой», но по сравнению с «Бедными людьми» в редуцированном виде. Наиболее полно этот тип сюжета воплощен в «Сне смешного человека» — в преображении «смешного человека» в бесстрашного пророка, возвестившего миру истину, — с той лишь, правда, существенной разницей, что в рассказе преображение героя дано как сновидческий процесс, в романе — жизненный, бытийный. Многие

поздние герои-идеологи превосходят Макара Девушкина по культурному уровню, но мало кто по энергии духовного возрождения.

Макар Девушкин был действительно открытием Достоевского, потрясающим привычные вкусы читателя. Вопреки тому, что Макар Девушкин может раздражать (как, например, речевая манера героя раздражала первых читателей «Бедных людей»), вопреки тому, что он становился удобной и уязвимой мишенью остроумных насмешек в эпиграмматическом творчестве Тургенева, вопреки позднему разочарованию Белинского и Некрасова в Достоевском-«гении» в целом и в «Бедных людях» и Макаре Девушкине в частности, рядом с Макаром Девушкиным мало кого можно поставить в русской литературе по духовному потенциалу личности, по глубине и, можно сказать, по глобальности мировосприятия героя, по стремительности его духовного взлета. «Маленький человек» оказался «большим». Уникальна динамика развертывания духовного величия «маленького человека» (да и само понятие «маленький человек» меньше всего подходит любимым героям Достоевского — у них нет «предела», «потолка»). В конце концов Макар Девушкин оказался достойным героем эпистолярного романа, который помимо прочего должен бы быть примером «воспитания чувств». Макар Девушкин был первым откровением «великой идеи» Достоевского — идеи «восстановления человека», духовного воскрешения забитых и бедных людей, униженных и оскорбленных.

Более того, несмотря на явный «хрестоматийный глянец» и кажущуюся историчность содержания романа, в советской литературе рядом с Макаром Девушкиным поставить некого. Иван Африканович из «Привычного дела» В. Белова и старухи из повестей В. Распутина были все-таки развитием адаптированной Тургеневым, хотя и открытой в «Бедных людях» концепции человека, причем в ее руссоистской, а точнее — в просветительской трактовке. По сути дела, восприняты уроки тургеневского «Хоря и Калиныча» — уроки «Бедных людей» еще не пройдены современной прозой.

